

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Ю.В. Парадоксы эмоционального универсума современного социума: ангедония versus культ удовольствия // Человек и культура. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.3.43771 EDN: QDYZQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43771

Парадоксы эмоционального универсума современного социума: ангедония versus культ удовольствия

Лобанова Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0003-2970-7520

кандидат философских наук

доцент кафедры "Гуманитарные дисциплины", Московский политехнический университет

107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38, оф. Москва

✉ lobanova_diss@mail.ru

[Статья из рубрики "Социология культуры, социокультура"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2024.3.43771

EDN:

QDYZQL

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2023

Аннотация: Исследуется и анализируется исторический социогенез замены прежней дисциплинарной социализации гедонистической персонализацией внутри пространства культуры современного общества, его причины, механизмы реализации и последствия, к числу которых относится появление культа удовольствий и ярких впечатлений. Особое внимание уделено исследованию эмоциональных аспектов и механизмов влияния культуры гедонизма на общее культурное пространство, предпринимаемые попытки его принудительной эмоционализации и реструктуризации. В выводах исследования отмечены связанные с этими тенденциями причины возникновения феноменов эмоционального утилитаризма и консьюмеризации эмоций, превращения их в объекто-меновых отношений, в товар, который можно продать и приобретать наряду с чем-либо материальным. В заключение анализируется патопсихология избыточных эмоциональных проявлений и перегруженность впечатлениями, вызывающие состояние патологической ангедонии, рассматриваются частные проявления этого феномена, дается их комплексная оценка. Под влиянием западной культуры, аксиология отечественной

культуры была подвергнута радикальной ревизии, в ходе которой гедонистическая персонализация начала активно вытеснять дисциплинарную социализацию. Субкультура отечественных «ортодоксальных гедонистов», оказала и продолжает оказывать весьма заметное влияние на общую культурную ситуацию. Основная цель адептов гедонизма – преобразование всего эмоционального универсума современного социума таким образом, чтобы связанные с удовольствиями и развлечениями эмоции формировали его ядро, сдвигая все остальное от центра к периферии. Социальные причины современной ангедонии связаны с переизбытком сильных и искусственно стимулируемых эмоций, для защиты от которых в головном мозге человека включаются внутренние барьерные механизмы.

Ключевые слова:

эмоциональный капитализм, общество впечатлений, эмоции, дисциплинарная социализация, гедонистическая персонализация, субкультура гедонизма, феномен гипергедонизма, эмоционализация культуры, консьюмеризация эмоций, ангедония

Повышение уровня глобализации культурного пространства и усиление динамики межкультурного диалога в последние десятилетия привели к интенсификации процесса обмена между различными культурами их собственными ориентирами, идеалами и ценностями. Так, в частности, вследствие продолжительного влияния ценностей постмодернистской культуры западного толка и неолиберального характера произошла определенная ревизия целого ряда идеалов и ценностей отечественной традиционной культуры. «Эмоциональные предписания связаны с глобальными явлениями в позднесовременных обществах. Например, с экономикой и культурой потребления, коммерциализацией многих сторон жизни, культом индивидуального «Я», психологизацией и эмоционализацией социального опыта (он интерпретируется через чувства), а также быстрыми темпами развития многих сфер и, соответственно, восприятием неопределенности будущего» [\[13\]](#). Инициально этому немало способствовала фактическая денонсация целого ряда общественных доктрин, устремленных к абстрактным идеалам будущего и требующим от каждого индивида его активного включения в коллективные социальные практики, направленные на достижение данных идеалов только по факту вынужденного признания его личной преданности им.

Тотальная деструкция культурного поля всех этих идеологем последнего десятилетия прошлого века явилась прямым следствием их ложности, о которой в определенный момент было объявлено всенародно. Вместе с этой псевдокультурной идеологией, в значительной степени инкорпорированной в общую культуру социума «строителей самого передового общественного строя», рухнули почти все коллективные формы этой культуры, в большей или меньшей степени связанные с идеологически нагруженными нормами, обычаями и ритуалами [\[5; 15; 17\]](#). Место денонсированного коллективного почти немедленно заполнилось его антиподом – всем индивидуальным, личным, в числе которого оказались и новые культурные ценности, связанные с достижением состояния собственного личного удовольствия [\[12, с. 24\]](#). Публичная и во многом искусственная табуированность последнего в течение десятилетий господства коммунистической идеологии привела к тому, что этот процесс быстрой замены «ложного коллективного» новым «истинным индивидуальным» в короткие сроки набрал темпы, непредставимые с точки зрения прежних десятилетий фактической личной несвободы. Гедонистическая персонализация начала стремительно вытеснять идеологически обанкротившуюся дисциплинарную социализацию.

Немало быстрой смене ценностей способствует и постоянно углубляющееся имущественное социальное расслоение. Явный переизбыток усилий, реализуемых в направлении следования этим тенденциям, фактически, привел к появлению и закреплению их нового культа, равно как и представителей исповедующих этот культ субкультурных образований в структуре общей системы культуры – «новых русских», «отечественных селебрити», «культурной богемы», «золотой молодежи» и т.п. Все эти вышеперечисленные отличались постоянной демонстрацией собственного благополучия, достатка, любых форм праздного времяпровождения и целенаправленного следования именно данному культу – культу удовольствия. Довольно незначительная по своей численности, но оказавшаяся излишне шумной, неумной в своих желаниях, крайне пренебрежительно относящейся к закону и праву, и постоянно жаждущая публичности любой ценой – субкультура отечественных «ортоксальных гедонистов», тем не менее, оказала и продолжает оказывать весьма заметное влияние на общую культурную ситуацию, тем самым меняя ее, что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования прямо связана с его актуальностью, и определяется как анализ причин возникновения уже сформировавшихся парадоксов эмоционального универсума отечественной культуры, главным образом сводящихся к невозможности трансформации переизбытка удовольствий в последующее ощущение счастья и удовлетворения жизнью ни на индивидуальном, ни на обще-социальном уровне.

Слепое и некритичное следование гедонизму в этом новом направлении в итоге привело своих новых адептов к единственно возможному результату, который в англоязычной литературе обычно обозначается термином «overflow» («переполнение» – англ.). Абсолютизированное стремление к любого рода развлечениям и удовольствиям, перейдя все границы, превратилось из культурной нормы в патологию – гипергедонию. Отличительной чертой этого феномена является гипертрофия наслаждения и удовлетворения любых, самых взбалмошных своих желаний, то есть создание переизбытка количества таких эпизодов на фоне отсутствия навыков последующего перевода этого количества накопленных эмоций в новое качество – ощущение счастья и удовлетворенности жизнью: имелось только ощущение пресыщенности, а вот удовлетворенности вследствие этой пресыщенности – нет.

Видимо, имея целью сделать этот парадокс достоянием не только себя самих, адепты гипергедонизма рекламируют свой образ жизни на самую широкую аудиторию (главным образом через социальные сети), «вербуют» себе таким образом новых сторонников и обожателей. Далеко ведущей целью такого афиширования является преобразование всего эмоционального универсума современного социума таким образом, чтобы связанные с удовольствиями и развлечениями эмоции формировали самое его ядро. При этом, по всей видимости, у стремящихся переделать всех под свой собственный *modus vivendi* нет вообще никакого понимания того, что сам этот исходный парадокс от предлагаемой генерализации никуда не исчезнет – и стать «счастливыми вместе» через «несчастливы вместе» невозможно.

Многие социологи настроены по отношению к навязываемому гедонизму крайне решительно, утверждая рост в обществе эгоизма и индивидуалистических установок вообще в качестве знаковых для текущей эпохи [\[14, с. 7\], \[4, с. 4\]](#). Видя в происходящем опасность всей социальной структуре как единому целому, исследователи доказывают прямую связь между деструктивной гедонистической субкультурой и прогрессирующим разрушением традиционного института семьи – модой на бездетность, на бессемейность, на непостоянные или нетрадиционные отношения – и естественным образом следующими за всем вышепер

е численным депопуляцией населения и демографическим кризисом.

Более того, действие этих же изменений в эмоциональном универсуме современного социума оказывает прямое влияние на возникновение множественных феноменов не только эмоциональной редукции, носящей рефлекторный и защитный характер, но и эмоциональной амбивалентности, деформирующей прежде здоровую психику членов этого социума. Современный человек должен одновременно противоестественным образом держать себя в руках – и тут же давать волю чувствам; демонстрировать влюбленность – и не испытывать при этом страданий (это табуируется); уметь переживать глубокие чувства – но без душевных затрат. Главным же противоречием, которое мы усматриваем, является сосуществование гонки за наслаждением и новым сильным впечатлением со все отчетливее проявляющейся у «нарцисса», современного индивидуалиста, карьериста неспособностью получать удовольствие как таковое. Этот парадокс констатируется исследователями: «...Эпикур, и Аристипп предупреждали нас о том, что некоторые удовольствия могут перерасти в зависимость, что уже страдание, а не благо. От таких удовольствий следует отказаться, даже не испытав на себе. Обществом же потребления человеку навязываются псевдоценности, псевдоудовольствия, кратковременные и поверхностные. Он лишается возможности и способности пережить истинное наслаждение и радость. Рост количества психических расстройств является тому подтверждением. Получается, что современный человек живет в мире удовольствий без удовольствий, в мире симулякров удовольствий. Счастье как смысл жизни становится недостижимым» [8, с.240]. Мы солидарны с подобными заявлениями, однако продолжаем задаваться вопросом о природе данной антиномии современной культуры.

Имманентно самопротиворечивые требования, обращенные к человеку со стороны культа удовольствий, формируют на индивидуальном уровне самые разнообразные дефекты личности, приводящие затем пострадавших последовательно к утрате эмоциональной адекватности, инвалидизации и десоциализации. Социально-философский прогноз в этом отношении негативен: социум в конце концов просто дезинтегрируется, все социальные взаимодействия, не связанные с коллективными практиками получения удовольствия, за ненадобностью просто перестанут воспроизводиться, после чего наступят полный распад и anomia в обществе, где в конце концов не станет нужен никто никому [11].

Культ удовольствий прямо паразитирует на двух имманентно присущих членам здорового социума особенностях: эмоциональной саморефлексии (или интроспекции), то есть вовлеченности индивидов в собственные чувства, охваченности ими – и внешней эмоциональной рефлексии, то есть рассмотрении всей жизни в целом сквозь призму чувств [6]. Попытки реструктуризировать сложившиеся исторически особенности общественного эмоционального универсума в значительной мере своей оборачиваются денормированием частных эмоциональных проявлений с последующим табуированием их «неправильной» части, отсеянной в процессе этой «селекции», когда «правильные», или разрешенные эмоции гордо выставляются напоказ. В терминологии знаменитой антиутопии Дж.Оруэлла [9, с.113] упомянутые там Министерство Правды и Министерство Любви следует дополнить еще и отдельным Министерством Счастья – а затем также приучить граждан сдавать туда регулярные декларации по поводу возникающих у них эмоций и чувств (которые будут строго и досконально проверяться ответственными сотрудниками Министерства) – и картина получится вполне достоверная. Данное метафорическое и отчасти сатирическое предложение в действительности осуществлено: ленты социальных сетей являются таким Министерством, которое требует визуальных отчетов о каждом дне, в котором наш современник обязан испытать счастье – глянцевых снимков из дорогих ресторанов, отелей, театров, фешенебельных курортов; пейзажей; фото из фитнес-залов, занятий йогой и т.д.

Надо заявить ради справедливости, что сопротивление этим неартикулируемым требованиям «отчетов о счастье» мы также наблюдаем и считаем, что современная социальная реальность двинулась путем, отличным от оруэлловского «нормировать и контролировать». Дальнейшее паразитирование напрямую связано с тем простым обстоятельством, что люди, как правило, ценят свои эмоции, поскольку через них позиционируют самих себя как цельную, конкретную личность со всеми имеющимися у нее особенностями. Иначе говоря, каждое индивидуальное «Я» обладает своим собственным эмоциональным содержанием [\[11\]](#).

Консьюмеризация эмоций приводит к превращению их в товар, который обретает свой спрос, хорошо продается наряду с другими товарами и наряду с ними же обретает способность производить чисто экономические эффекты. Все вышеперечисленное, давно поставлено на службу современному маркетингу, реализуемому в рамках тех форм экономической (главным образом потребительской) активности субъектов, которые у современных исследователей всей этой феноменологии получили общее название «эмоционального», или «аффективного капитализма».

Однако неустраняемая проблема здесь состоит в том, что даже жизненная ориентация на благополучие и достижение все более высоких статусных вершин в итоге так и не делают человека счастливым – первым на это обратил свое внимание еще Ж. Бодрийяр [\[2, с. 135\]](#). Суррогатное «иметь» невозможно трансформировать в полноценное «быть» ровно так же, как невозможно трансформировать симуляцию в реальность, и следствием осознания этой невозможности на индивидуальном уровне становятся асоциальные действия, вандализм, жестокость, аддиктивное поведение – мираж и иллюзия счастья для тех, кому это счастье было обещано – и тех, кто был этими же обещаниями обманут. Индивидуальные ощущения переполненности и пресыщенности удовольствиями раньше или позже проходят в фазе своего накопления точку бифуркации – тот момент, когда внутренний эмоциональный триггер опрокидывается – и индивид вдруг ощущает, что он более не способен испытывать удовольствие вообще.

Это патологическое по своей природе состояние носит название ангедонии, хотя более распространённым в исследованиях является использованное нами здесь понятие «гипергедонизм». Так, о перспективах развития пресыщения рассуждают специалисты по душевному здоровью: «Горячий и примитивный гедонизм с его философией *carpe diem*, с его лозунгами «наслаждаться без стеснений», «все и сию же минуту», отходит в прошлое; но вместо безудержного гедонизма возникает гедонизм рациональный, гигиенический, просвещенный. Развиваются технологии с целью приведения человека в надлежащую форму, внедряются щадящая медицина, диетические режимы, средства для релаксации, появляется уйма всяких снадобий по уходу за собой. Эра гедонизма продолжается» [\[10\]](#). Но ангедония рассматривается как один из важных, но не инициальных (т.е. вторичных) компонентов клинической картины многих психопатологических нарушений (типа гипертонии или гипертермии – [\[7\]](#)). Ангедония не является самостоятельным симптомом, и диагноз только по ней не поставишь, однако это отнюдь не значит, что со страдающим от такого нарушения в каждом конкретном случае не надо разбираться. Если говорить о социальных причинах активации механизмов развития ангедонии, то это, несомненно – именно тот случай, когда большое количество сильных эмоций, особенно искусственного происхождения, раньше или позже включают в лимбической системе головного мозга, отвечающей за эту сферу, защитную реакцию, снижая ее восприимчивость по отношению к сильным внешним стимулам [\[16\]](#) значительно ниже нормы.

Подобным же образом в психике человека порождаются устойчивые механизмы защиты от частых и продолжительных стрессов, либо же возникает симптоматика эмоционального выгорания [3]. То, что могло прежде служить источником удовольствия, утрачивает эту способность, затем пропадают любимые привычки, занятия, увлечения, после чего человек разучивается радоваться жизни вовсе, начинает испытывать социальную депривацию, одиночество, завершающие в особенно тяжелых случаях развитием различных навязчивостей и фобий, в итоге приводящих к инвалидизации и десоциализации личности, и это – вполне реальная расплата за многочисленные прежние попытки «взять от жизни все». Омассовление и тиражирование гедонистических практик и самого образа жизни, связанного с культом удовольствия, в результате формирует в обществе целый ряд искусственных барьеров, само появление которых порождает внутри социума тенденции его грядущей социокультурной деструкции.

Выводы:

1. Под влиянием западной культуры, аксиология отечественной культуры была подвергнута радикальной ревизии, в ходе которой гедонистическая персонализация начала активно вытеснять дисциплинарную социализацию.
2. Субкультура отечественных «ортодоксальных гедонистов», оказала и продолжает оказывать весьма заметное влияние на общую культурную ситуацию.
3. Основная цель адептов гедонизма – преобразование всего эмоционального универсума современного социума таким образом, чтобы связанные с удовольствиями и развлечениями эмоции формировали его ядро, сдвигая все остальное от центра к периферии.
4. Социальные причины современной ангедонии связаны с переизбытком сильных и искусственно стимулируемых эмоций, для защиты от которых в головном мозге человека включаются внутренние барьерные механизмы.

Библиография

1. Аль-Хуссаини Р. Х. Гедонистические начала современной личности. Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 34-37.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2020, 384 с.
3. Вьюков А. Жизнь без удовольствия. Виды ангедонии, которые нужно знать // B17.ru URL: https://www.b17.ru/article/zhizn_bez_udovolstviya_vidy_angedonii/ (Дата обращения: 29.07.2022).
4. Горбунова М. Ю. Эмоции в социальном управлении: теоретическая модель // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 17.
5. Кортунов В. В. Верификация иррациональных систем. Москва: «Перо», 2022. – 67 с.
6. Лапатин В. А. "Умножая скорбь": страдание как обратная сторона «гедонистического императива» современности // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4(30). С. 30-45.
7. Мазо Г. Э., Кибитов А. О. Ангедония как базовый синдром и мишень для терапевтического воздействия при депрессивном расстройстве // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2019. № 3. С. 10-18.
8. Мальцева С. М., Кубышева О. О. Гедонистический образ жизни в современном обществе потребления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8(34). С. 237-241.
9. Оруэлл Дж. 1984. – М.: Альпина Паблишер, 2021, 352 с.
10. Патракова Г. В. Современный социум: искушение гедонизмом // Zelifе.ru (Электронный ресурс) – Код доступа URL: <http://www.zelifе.ru/4881-modern-gedonism/>

(Дата обращения: 01.08.2022).

11. Розина О. В. Аксиология "удовольствия" и "страдания" в отечественной традиции и современности // Semanticscholar.org (Электронный ресурс) – Код доступа URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/B0/e12a639e8ebc15c3cb908e04af728b454de2c742> (Дата обращения: 29.07.2022).

12. Саенко Н. Р. Судьба принципа удовольствия в эпоху постсовременности // Современное культурное пространство : Философия. Искусство. Технология. Информация / Научная редакция В. Х. Разакова. Волгоград : Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов РФ, 2004. С. 22-28.

13. Симонова О. А. Эмоциональный маст-хэв. Какие переживания важны для современных людей // Iq.hse.ru URL: <https://iq.hse.ru/news/359137995.html> (Дата обращения: 30.07.2022).

14. Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25-45.

15. Стрелец Ю. Ш. Этический и эстетический смысл жизни человека Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7(168). С. 114-118.

16. Файдун Т. Н. Теоретический анализ феномена социальной ангедонии // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9(43). С. 418-420.

17. Шатунова Т. М. Событие чувства как феномен современности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 188-198.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Парадоксы эмоционального универсума современного социума: ангедония versus культ удовольствия» является логика трансформации общественного сознания в рамках тенденции распространения гедонизма как стиля и образа жизни с опорой на тенденции развития общественного сознания российского общества в 1990-2020-х гг. Автор прибегает к терминам «субкультура отечественных "ортодоксальных гедонистов"», выделяя некоторое новообразованное в российском обществе ментальное пространство смыслов и ценностей, а также «гипергедонизм» и «ангедония», определяя высшую стадию психоэмоционального состояния субъекта этой ментальности, каким, по мысли автора, может выступать как индивид, так и часть общества.

Автор отмечает, что деструкция базовых идеологем советской культуры в последнее десятилетие XX в., среди которых доминирующее положение занимал образ позитивного коллективного будущего, привела к ревизии «целого ряда идеалов и ценностей отечественной традиционной культуры». С опорой на результаты исследований О. А. Симоновой, посвященных поиску «универсальных» эмоциональных императивов позднесовременного общества, автор констатирует интеграцию в постсоветское культурное поле некоторой доктрины психологизации и эмоционализации социального опыта, ведущей к восприятию индивидом образа неопределенного будущего. В результате подмены на вершине ценностной шкалы социального опыта «ложного коллективного» новым «истинным индивидуальным» в короткие сроки набрал темпы, непредставимые с точки зрения прежних десятилетий фактической личной несвободы», по мысли автора, процесс деформации культурных порядков.

Следует отметить, что «ложное коллективное» в обозначенной «новой» доктрине

составляет опору некоторой идентичности, формирующейся, как и любая субкультурная идентичность, по принципу отрицания ложного в доминирующей культуре. Но как только детерминанты доминирующего культурного порядка, по природе своей представляющие результат коллективного осмысления реальности на протяжении более длительного исторического времени, чем время существования любого субкультурного новообразования, предельно девальвируются ревизионистской субкультурой, у такой субкультуры не остается оснований для самоидентификации. Отсюда, по мнению рецензента, и вытекает то болезненное самопозиционирование адептов «субкультуры "ортодоксальных гедонистов"» в медийном пространстве на фоне результатов коллективного труда. Парадоксальная интенция отрицания ценности коллективного, устремленная к присвоению результатов коллективного, составляет универсальную характеристику нестабильных субкультурных образований на стадии распада ревизионистского ядра самоопределения. Соответственно, носит ли это новообразование локальный или глобальный характер не так существенно, как степень его самоотрицания. Поэтому отмеченное автором «заметное влияние на общую культурную ситуацию» субкультуры отечественных «ортодоксальных гедонистов», по мнению рецензента, — явление временное, хотя и характеризующая одну из тенденций трансформации российской ментальности под прессингом цифрового расширения современной культуры.

Автор концентрирует внимание читателя на психических и социально-психологических последствиях гипертрофированного гедонизма, гарантирующих неспособность «ангедонизированного» (если так можно выразиться) субъекта к достижению не только доктринальных целей, но и к осуществлению элементарных культурных и физических потребностей ввиду отрицания самого принципа социализации, лежащего в основании способности к рациональному действию. Воспользовавшись яркой метафорой Дж. Оруэлла, автор вскрывает наиболее существенный парадокс гедонистической симуляции счастья: он строится на тотальном табуировании реальности, путем исключения из нее не соответствующих «идеологической доктрине счастья» семантических единиц и их значений, что не изменяет саму реальность, а ведет лишь к неспособности ее воспринимать.

Итоговые выводы автора хорошо аргументированы и заслуживают доверия. Предмет исследования, таким образом, автором раскрыт на высоком теоретическом уровне, хотя отдельные положения могут быть оспорены с иных теоретических позиций.

Методология исследования базируется на социально-философском обобщении наблюдаемых в рамках современной критической теории явлений социальной жизни, нашедших отражение в ценностно-смысловом пространстве современных массмедиа. Следует отметить, что выбранный автором аспект вскрывает лишь часть социальной реальности, образующийся в результате экзальтации общественного сознания лишь части общества. Подобный уровень экзальтации, по мнению рецензента, не является исключительной характеристикой «ангедонизированного» субъекта. К примеру, если несколько расширить исследовательскую оптику, то можно провести параллели ангедонии с феноменом измененного сознания религиозных фанатиков, с некоторой натяжкой, но тоже правомерны параллели с фанатичной преданностью части общества социал-демократическим и национал-социалистическим идеям. Поэтому, если редуцировать гедонистическую доктрину потребительского общества к неолиберальным установкам, то можно предполагать, что к деструкции социальной реальности ведет тоталитаризм, замешанный на идеализации любых догматов, замешанный на исключении из практики социального управления критического мышления индивида. Тогда реализованная автором исследовательская программа может быть дополнена и постановкой задачи перспективных разработок программ медиаобразования,

снижающих риски социальной деструкции. Тем не менее, собственную исследовательскую программу автор реализовал в полной мере, представленное исследование хорошо теоретически и эмпирически фундировано.

Актуальность рассмотренной автором темы обусловлена остротой социального дискурса человека и общества, который в последние десятилетия приобрел в массмедиа гипертрофированное выражение самопозиционирования некоторой наднациональной «культурной» (а точнее, отрицающей культуру) идентичности «ортодоксальных гедонистов». Вскрытая автором обусловленность социальной аномии влиянием описанной субкультуры предполагает вполне очевидную рациональную реакцию общества, заинтересованного в сохранении своей целостности и способности к выработке позитивной доктрины коллективного развития. Статья, таким образом, вносит свой вклад в актуальный и своевременный теоретический дискурс.

Научная новизна представленного исследования состоит в авторских обобщениях, отраженных в итоговых выводах, которые хорошо аргументированы и не вызывают сомнений.

Стиль в статье выдержан строго научный, структура в полной мере соответствует логике изложения результатов научного исследования. Единственно, что требует внимания редактора — верное согласование слова «завершающие» в высказывании «... после чего человек разучивается радоваться жизни вовсе, начинает испытывать социальную депривацию, одиночество, завершающие в особенно тяжелых случаях развитием различных навязчивостей и фобий, в итоге приводящих к инвалидизации...», — очевидно правильно будет «завершающиеся».

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования, хотя, учитывая остроту проблемы, автор мог бы и расширить область дискуссии за счет критики зарубежной научной литературы последних 3-5 лет. Впрочем, это скорее рекомендация на будущее.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна.

Статья, без сомнений, вызовет большой интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура».